

Разлука с молодцом, разгуливающим по кораблику, как обычно изображается гостиный сын, но без обозначения сословия, является темой песни «Сокол мой ясный» (Чулк. III, № 86), где тоска-кручина выражается в крайних и не типичных проявлениях; героиня заявляет: «с кручины не могу ходити», а герой обещает: «хоть в злой кручине и в морской пучине, я верен буду до самой кончины». Прощание сопровождается маханием шляпой

Мой друг сердечный
По кораблику ходя,
Шляпой махает,
Поклон отдавает:
Прости, милая,
Прости, дорогая!

В художественном отношении песня принадлежит к числу слабых, и интересен в ней только разговор о письмах.

На упрек «грамоток не пишешь, со слугою не пришлешь», молодец отвечает:

Рад бы я писати,
Некому читати,
Сама не умеешь,
Другим не поверишь.

Неграмотность женщин была обычным явлением в разных сословиях кроме высшего дворянства, и ответ молодца ничего не дает для определения социального положения героини песни; но грамотность молодца, разгуливающего по кораблику («рад бы я писати») нетипична была бы для простого матроса или бурлака, и как бы указывает, что мы имеем дело с владельцем «кораблика», т. е. купцом.

Песни «Мимо нашего Покровского села» и «Еще как того тошнее» (Чулк. III, № 96 и 133) не представляют для нас самостоятельного интереса, но любопытны по некоторой близости к уже рассмотренным нами.

Мимо нашего Покровского села
Пролежала матка Яуза река,
Что по Яузе суденышко плывет
Во суденышке неможно людей:
Всего только, всего восемь человек,